

ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО

*К.Е. Барабошкин**

Ван Чун о литераторах и их положении в обществе

АННОТАЦИЯ: В статье рассматривается классификация Ван Чуном (I в. н.э.) литераторов по степени выраженности их таланта, а также отличие людей обладающих литературным талантом, как от простых, так и от имеющих талант государственного управления.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Ван Чун, Весы суждений, китайская литература, китайская поэтика, *Луньхэн*, Взвешивание суждений.

В одной из предыдущих статей уже рассматривалась литературная мысль Ван Чуна 王充 [1]. Здесь же хотелось бы расширить и дополнить уже имеющуюся классификацию литераторов. Хотя в главах *Чаоци* 超奇 («О превосходстве и необычности») и *Дуйцзо* 对作 («В защиту творчества») мыслитель обобщает виды литераторов, встречающихся в трактате *Луньхэн* 论衡 («Весы суждений»), однако для понимания всей картины (положение литераторов в обществе, их взаимоотношения с другими чиновниками, государственными деятелями и т.п.), подобного рассмотрения явно недостаточно. Поэтому стоит проследить сам процесс выделения литераторов из общей массы людей, которые также могут быть способными, хотя их способности и принадлежат другой области.

Прежде всего, поговорим о выделении литераторов из числа обычных письмоводителей и чиновников. В главе *Чэнцай* 程材 («Об измерении таланта»), *Лянчжи* 量知 («О взвешивании знания»)

* Барабошкин Константин Евгеньевич, к.ф.н., доцент, Кафедра китайской филологии, Институт стран Азии и Африки, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия; E-mail: baraboshkin-kons@yandex.ru

и *Седуань* 谢短 («Признание недостатков») проводится различие между *жушэнами* (儒生)¹ и гражданскими чиновниками (文吏 *вэньли*).

Уже само разграничение даёт возможность утверждать, что далеко не всякий труд, с точки зрения Ван Чуна, может претендовать на звание *вэнь* 文. Сухая отчётность, некоторые приказы и формальная переписка, связанная с исполнением рутинной чиновничьей деятельности, видимо, исключается мыслителем из данной категории — ведь создание такого рода трудов требует не литературного таланта, а, скорее, опыта канцелярской работы.

Сам мыслитель даёт следующую характеристику разграничению *вэньли* и *жушэнов*: «То, что изучают *жушэны*, — Дао, то, что изучают *вэньли*, — дела [управления]»; «*Жушэны* устанавливают основу, а *вэньли* заведуют [всего лишь] верхушкой» [4, с. 752].

Хотя часто *жушэны* не принимают непосредственного участия в мелких делах управления, однако их влияние на судьбу государства глубже. *Вэньли* занимаются зачастую лишь мелкими делами управления. Однако эффект от краткосрочных и экстренных дел заметен сразу, а потому народ и правители чаще всего считают, что *вэньли* талантливее, нежели *жушэны*, которые зачастую состоят при таких *вэньли* в меньшей должности. Более того, *вэньли* часто быстро делают карьеру, а *жушэны* могут сидеть на одной должности хоть всю жизнь.

Получается, что Ван Чун разграничивает понятие таланта — есть талант литературный, но его наличие ещё не означает успешности в других сферах жизни, где может помочь, к примеру, талант чиновника.

Ван Чун утверждает, что нельзя оценивать литературный талант с точки зрения успешного продвижения по должности. Здесь выясняется ещё одно важное качество талантливого литератора — истинные *жушэны* суть люди высоких моральных принципов, отдающие себя служению правителю, а не стремящиеся к карьере.

Большинство *вэньли* стремятся лишь к личной выгоде, быстро му продвижению по службе и не руководствуются моралью.

¹ Необходимо обратить внимание на то, что термин *жушэн* 儒生 у Ван Чуна неоднороден. Так он появляется в главе «О превосходстве и необычности», где обозначает литераторов не слишком высокого таланта (иногда их Ван Чун называет *шижу* 世儒 «учёные-комментаторы»). Однако в главах, где говорится об отличии литераторов от людей других профессий, и в некоторых других главах *жушэн* используется как обобщающий термин для учёных, обладающих литературным талантом в целом. Поэтому для удобства, в обобщающем своём значении он будет даваться в транскрипции *жушэн*, тогда как в значении одного из видов литераторов он будет переводиться как «учёный-книжник».

Конечно, это не значит, что таковыми являются абсолютно все *вэньли* и *жушэны* — тут опять же Ван Чун опирается на собственные рассуждения о природе человека, а потому всё зависит от воспитания. Некоторые *вэньли* также бывают людьми высокой морали, тогда как некоторые *жушэны* стремятся лишь к выгоде для себя.

Существуют также люди, в которых незаурядные литературные способности переплетаются с неплохим талантом политика. И тут играет роль, как и изначальная природа, так и то, насколько хорошо они справляются с обеими задачами.

В зависимости от соотношения этих параметров они могут стать одним из трёх видов людей:

1) Лстецами (*нин* 佞) и клеветниками (*чань* 讒), чьи слова подобны яду, и они используют литературный талант лишь для своей выгоды, не стесняясь лжи в адрес других.

2) Если их литературный талант не слишком высок, но его хватает на создание трудов из разряда политической публицистики, а моральные качества их высоки, то они станут своего рода меценатами и будут помогать литераторам.

3) Если высок талант литератора и неплох талант политика, то появляется литератор-политик, который достигает высоких постов в государстве и всячески способствует его процветанию. Однако, если его моральные качества при этом низки, то он может привести всё государство к краху.

Для наглядности это проще всего изобразить на кругах Эйлера, где все три вида будут находиться в области пересечения двух кругов (рис. 1):

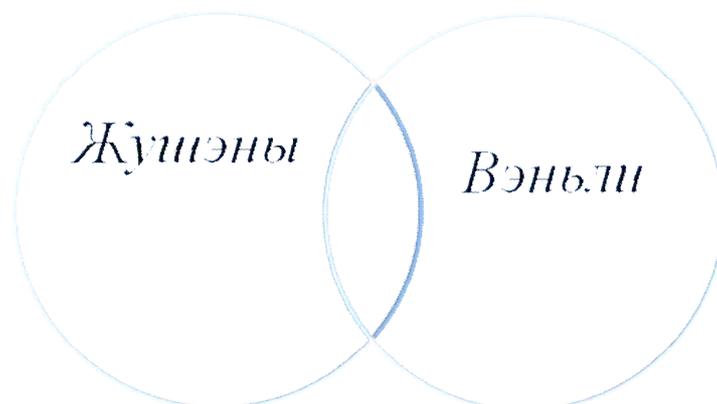

Рисунок 1

Ван Чун говорит, что и *жушэны*, и *вэньли* важны для государства, и они должны сосуществовать, а не бороться друг с другом. Тогда сильно сократится количество клеветников, и будет устранена невежественность первых в делах управления, а вторых — в делах литературных. Однако это идеальная ситуация, примеров которой в истории Ван Чун находит немного.

На деле оказывается, что большая часть *жушэнов* не преуспевает в государственных делах. А оттого их положение в обществе может быть весьма плачевным.

Поэтому выход для *жушэнов* мыслитель видит в том, чтобы найти влиятельного мецената, причём сильного как в политическом, так и в финансовом плане: «Потому людям, обладающим силой в *вэнь*, должно опираться на помощь сильных начальников... Если есть сила (талант), однако нет помощи [со стороны сильных начальников], то своим талантом они принесут несчастье» [4, с. 803].

Если у мецената нет силы и влияния, то при малейших трудностях страдают все — здесь Ван Чун приводит интересную аналогию с быком, который тянет за собой повозку — если бык слаб, то при необходимости поднять повозку в гору рухнет и он, и тот, кто находится в повозке, и сама повозка развалится [4, с. 803].

Стоит заметить, что такому меценату также необходимо обладать столь важным качеством как самокритичность или самоирония. Потому что у *жушэнов* (опять же, исходя из биографии мыслителя, можно сделать вывод, что он имеет в виду, прежде всего себя) есть один существенный недостаток — они зачастую прямолинейны, искренни и не чуждаются критики даже тех, кто способствует их продвижению по службе, даже если это нанесёт непоправимый ущерб их карьере. Именно моральная чистота и долгое обучение не позволяют им самолично думать о карьере и просить покровительства.

В главе *Сяоли 效力* («Об усмотрении (проверке) [истинных] способностей») Ван Чун впервые выделяет учёных-литераторов *вэньжу* 文儒, говоря, что они превосходят учёных-книжников².

И здесь он пишет о том, что *вэньжу* превосходят учёных-книжников по таланту, которые зачастую разбираются лишь в одном каноне. Также *вэньжу* ввиду своего литературного таланта могут распознавать других достойных людей и помогать им в продвижении по службе, то есть, быть теми самыми сильными чиновниками-

² Как и говорилось выше, в данном случае термин *жушэнь* употребляется уже не в обобщающем значении, а относится лишь к виду не особо одарённых литераторов, которых изредка Ван Чун называет также *шижу* 世儒 — учёные комментаторы.

меценатами, о которых речь шла чуть выше: «[Те, кто] может выдвинуть [на должность] достойных и рекомендовать *ши* (учёных мужей, служилых людей), в миру называются [чиновниками] большой силы (таланта). Таким образом, [те, кто] может выдвинуть [на должность] достойных и рекомендовать *ши*, пишут докладные записки и ведут ежедневные записи. А те, кто может направлять докладные записки и вести ежедневные записи, это *вэньжу*. *Вэньжу* — это не обязательно все те, кто [получил образование будучи] учащимся, но те, кто почитают, понимают и пользуются *вэнь*, — это они» [4, с. 799].

Потому здесь схема претерпевает некоторые изменения (рис. 2).

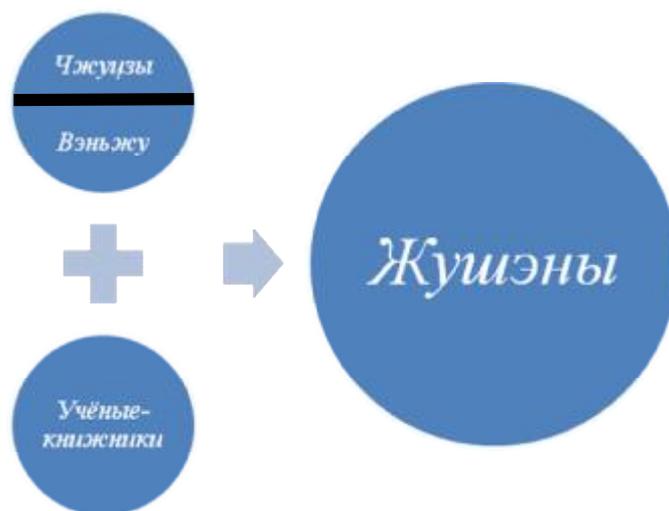

Рисунок 2

Однако *вэньжу* талантом обладают незаурядным, поэтому они вообще не стремятся к чиновничьей карьере, а потому зачастую бывают забытыми. А *вэньли* бывают очень несведущими в делах литературы и управления, и это приводит к тому, что *вэньжу* «скрывают свои обильные силы (талант) и сбегают в глубину деревенских переулков» [4, с. 804]. Потому как «[Понимание] Пути огромно, знания велики, однако место [по службе такому человеку] тяжело [найти] подходящее» [4, с. 804].

В главе *Бетун* 别通 («О различении эрудитов [от других людей]») Ван Чун, как это понятно из заглавия, продолжает свою клас-

сификацию и выделяет из массы *вэньжу*, о которых говорилось чуть выше, *тунжэней* (通人)³, и даёт дальнейшую иерархию:

«В миру люди восхищаются богатыми и не почитают *тунжэней*, стыдятся бедности, [и считают], что раз нет денег, то [человек] не может быть достойным, нельзя привлекать [такую] аналогию и с помощью неё сравнивать [достоинство талантов]. Богатые — те, кем можно восхищаться, [имеют] много товаров и денег, а потому у них достаток, потому люди ими восхищаются. Но богатые люди [в таланте своём] уступают *жушэням*, а *жушэнь* уступают *тунжэням*» [4, с. 813].

То есть *тунжэнь* в таланте превосходят всех остальных, и потому, если их привлечь к помощи в управлении государством, то всё государство лишь выиграет, ведь если «с помощью *вэнь* и письма управлять Поднебесной, [то в таком случае] разве сравнится богатство [отдельных] людей с богатством [для] всей Поднебесной?» [4, с. 814]. А распознать *тунжэней* могут не менее одарённые люди — чиновники-меценаты.

Из всех людей, обладающих литературным талантом, Ван Чун выше всего ценит достойных учёных — *сяньжу* 贤儒, о которых говорит в главе *Динсянь* 定贤 («Определение (выявление) достойных»). Однако здесь очень важно понимание, в какой сфере человек зовётся достойным: по таланту или же за чиновничьи заслуги. Зваться достойным в обществе стало, как бы выразились сейчас, «модно» — человек с таким титулом сразу становится уважаемым, к его мнению прислушиваются, и такой титул будет способствовать его карьерному росту, тогда как настоящие «достойные находятся в деревенских переулках, не имеют денег и ожидают старости, подвергаются клевете в том, что не имеют успеха» [4, с. 1699].

И кто же такие настоящие достойные по Ван Чуну? Самое их главное качество, это даже не талант (потому сюда могут относиться литераторы любого таланта, которые достойны данного титула), а сердечная доброта *синьшань* 心善: «Если сердце доброе, то можно различать должное и не должное» [там же]. Без доброго сердца человек, именующий себя «достойным», помогающий в управлении государством, будет преследовать лишь свои корыстные цели, не

³ Необходимо опять же отметить, что исходя из всей той характеристики, что мыслитель даёт в данной главе, эти *тунжэнь* не те эрудиты, о которых речь уже шла при разборе главы «О превосходстве и необычности», и которые ещё будут упомянуты ниже в анализе. В данной главе это понятие охватывает талантливую верхушку из главы «О превосходстве и необычности» — литераторы *вэньжэнь* 文人 и великие учёные *хунжу* 鸿儒.

будет руководствоваться моральными принципами и приведёт государство к упадку, и тем будет хуже, если он обладает высоким литературным талантом. У действительно достойных «талант не обязательно высок, но сердце светло, знания не обязательно много, но поступки [их являются] должными» [там же].

Ван Чун указывает на то, что доброта этого достойного будет сама по себе распространяться по всему государству, что очень похоже на идею даосов и конфуцианцев о том, что добродетель *дэ* 德 правителя сама распространяется среди подданных. Мыслитель вполне в духе конфуцианской традиции говорит о том, что государство — это большая семья, а семья — это малое государство. Доброе сердце означает добрые высказывания и добрые поступки, а потому если такой человек будет «управлять семьёй, родственники будут обладать [высокой] моралью, а [если он будет помогать] управлять страной, то среди высших и низших будет порядок» [там же].

То есть «достойность», о которой говорится здесь, не совсем относится к таланту, а скорее к изначальной природе человека [2]. И хотя рассуждения об изначальной природе, естественности и природе таланта схожи, но они не определяют одно другое. Человек может быть хорошим, но не иметь таланта. А может быть плохим и иметь прекрасный литературный талант. Здесь идея Ван Чуна не совсем сочетается с конфуцианским принципом единства красоты и добра — для конфуцианства зло не может быть красивым. Мыслитель, скорее, поднимает проблему единства красоты и истины вслед за Лао-цзы: «Нет красоты в правдивом слове, нет правды в сказанном красиво» [3, с. 170]. Понятие «истина» *чжэнь* 真 настолько тесно переплетается у Ван Чуна с понятием «красота» *мэй* 美, что у него рождается новая категория: истинно прекрасное *чжэньмэй* 真美. Таким образом, начинает зарождаться понимание эстетической ценности произведения как такового.

Рассуждения об изначальной природе, несомненно, влияют на то, в какой области и для каких целей будет применён человеком его талант, и не важно, литературный он или политический. А потому на нижеприведённой схеме (рис. 3) любой из выделенных видов можно воспринимать как со знаком «+», тогда это будет достойный человек, так и со знаком «-». И чем выше в плане таланта находится человек, тем горше, если его плохо воспитали и он стал озлобленным — тем больше сумятицы он будет вносить в общество. Сперва он будет клеветником, потом, получив большую должность, станет лестью и составлением прекрасных произведений сбивать правителя с истинного пути.

Утешает лишь то, что, по мнению Ван Чуна, литераторы, которые входят в группу *тунжэней*, зачастую сами сызмальства проявляют интерес к канонам и книгам достойных и премудрых. Поэтому, скорее всего, данный порок может затрагивать *жушэнов*, *вэньли* и *вэньжу*, и вряд ли кто из них сможет достичь таких высот. Хотя исключения были, в данном плане показателен пример Ли Сы и Хань Фэй-цзы, который приводит Ван Чун во многих главах — его пугает сама такая возможность, и он старался всячески предостеречь будущих правителей.

Рисунок 3

Подобная классификация, с одной стороны, немного отличается от разобранный в одной из прошлых статей [1], с другой, — очень хорошо её дополняет.

Литература

1. Барбошкин К.Е. Ван Чун о литературе // 43-я научная конференция «Общество и государство в Китае». М.: Институт востоковедения РАН, 2013. С. 600–608.
2. Барбошкин К.Е. Ван Чун о человеческой природе // 44-я научная конференция «Общество и государство в Китае». Ч. II. М.: Институт востоковедения РАН, 2014. С. 689–695.
3. Семенов И.И. Лаоцзы. Обрести себя в Дао. М.: Республика, 1999.

4. Юань Хуачжун 袁华忠, Фан Цзячан 方家常. Луньхэн цюаньши 论衡全译 (上、中、下) («Полный перевод „Весов суждений“ в трёх томах»). Гуйян: Гуйчжоу жэньминь чубаньшэ, 1993.

K.Ye. Baraboshkin*

Wang Chong on literati and their social position

ABSTRACT: The paper focuses on Wang Chong's (I cent. A.D.) classification of literati according to their talents, and on the difference between people who possess literary talent and common people, and those who possess talent for governance.

KEYWORDS: Chinese literature, Chinese poetics, Discourses Weighed, *Lunheng*, The Balanced Inquiries, Wang Chong.

* Baraboshkin Konstantin Yevgenyevich, PhD (Philology), associate professor, Chair of Chinese Philology, Institute of Asian and African Countries at the Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; E-mail: baraboshkin-kons@yandex.ru